

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Рэй
БРЭДБЕРИ

*Кладбище
для безумцев*

Москва

2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б89

Ray Bradbury
A GRAVEYARD FOR LUNATICS

© 2002 by Ray Bradbury

Перевод с английского *Ольги Акимовой*

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

Брэдбери, Рэй.

Б89 Кладбище для безумцев / Рэй Брэдбери ; [пер. с англ. О. Г. Акимовой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 384 с. — (Всемирная литература).

ISBN 978-5-04-099918-7

«Кладбище для безумцев: Еще одна повесть о двух городах» — второй роман в условной трилогии, к которой также относятся «Смерть — дело одинокое» и «Давайте все убьем Констанцию». Снова действие происходит в Голливуде, снова ближайшей жанровой аналогией — хотя отнюдь не исчерпывающей — будет детектив-нуар.

Ровно в полночь, во время хеллоуинской вечеринки на примыкающем к легендарной студии легендарном кладбище, главный герой (писатель-фантаст и сценарист, альтер эго самого Брэдбери) видит студийного магната, погибшего в такую же ночь Хеллоуина двадцать лет назад. Отыскать выход из лабиринта смертей, реальных и мнимых, герою помогают надменный австрийско-китайский режиссер с неизменным моноклем и бальзамировщик мумии Ленина, иисусоподобный забулдыга по имени Иисус Христос, и лучший в мире аниматор динозавров.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Акимова О., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-099918-7

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

С любовью к живущим:

*Сиду Стебелу, который показал мне,
как решить мою собственную загадку;*

*Александре, моей дочери,
которая прибирала за нами.*

И ушедшим:

*Федерико Феллини,
Рубену Мамуляну,
Джорджу Кьюкору,
Джону Хьюстону,
Биллу Сколлу,
Фрицу Лангу,*

*Джеймсу Вонгу Хауи
и Джорджу Бернсу,
который сказал мне,
что я писатель,
когда мне было четырнадцать.*

И еще

*Рэю Харрихаузену,
по вполне понятным причинам.*

1

Жили-были два города внутри города: один светлый, другой темный. Один весь день в непрерывном движении, другой — всегда неподвижен. Один — теплый, наполненный изменчивыми огнями, другой — холодный, застывший под тяжестью камней. Но когда по вечерам над «Максимус филмз», городом живых, заходило солнце, он становился похож на расположенное напротив кладбище «Грин-Глейдс», город мертвых.

Когда гасли огни, и все замирало, и ветер, овевавший угловатые здания киностудии, становился холоднее, казалось, невероятная грусть проносилась по сумеречным улицам — от ворот города живых к высокой кирпичной стене, разделявшей два города внутри города. И внезапно улицы наполнялись чем-то таким, что можно назвать не иначе как припоминанием. Ибо, когда люди уходят, остаются лишь архитектурные постройки, населенные призраками невероятных событий.

Да, это был самый безумный город в мире, где ничего не могло произойти и происходило все. Здесь убивали десять тысяч людей, а потом они вставали, смеясь, и спокойно расходились. Здесь поджигались и не сгорали целые дома. Выли сирены, мчались патрульные машины, их заносило на поворотах, а потом полицейские снимали синюю униформу, смывали кольдкремом сочно-оранжевый макияж и возвращались к себе, в маленький придорожный отель где-то там, в огромном и невероятно скучном мире.

Здесь бродили динозавры: вот они совсем крохотные — и вдруг уже пятидесятифутовые ящеры надвигаются на полураздетых дев, визжащих в унисон. Отсюда отправлялись воины в различные походы, чтобы в конце пути (чуть дальше по улице) сложить доспехи и копья в костюмерной «Вестерн костюм компании». Здесь рубил головы Генрих VIII. Отсюда Дракула отправился бродить по свету во плоти, чтоб вернуться во прахе. Здесь видны Стояния Крестного пути и остался след неиссякаемых потоков крови тех сценаристов, что, изнемогая, несли свой крест к Голгофе, сгибаясь под непосильной тяжестью поправок, а за ними по пятам гнались режиссеры с плеткой и монтажеры с острыми как бритва ножами. С этих башен правочерных мусульман призывали каждый день к послезакатной молитве, а из ворот с шелестом выезжали лимузины, где за каждым окном сидели безликие властители, и селяне отводили взгляд, боясь ослепнуть от их сияния.

Все это было наяву, и тем охотнее верилось, что с заходом солнца проснутся старые призраки, теплый город остынет и станет похож на дорожки по ту сторону стены, окруженные мраморными плитами. К полуночи, погрузившись в этот странный покой, рожденный холодом, ветром и далекими отзвуками церковных колоколов, два города наконец становились одним. И ночной сторож был единственным живым существом, бродившим от Индии до Франции, от канзасских прерий до нью-йоркских домов из песчаника, от Пикадилли до Пьяцца-ди-Спанья, за каких-то двадцать минут проделывая немислимые двадцать тысяч миль. А его двойник за стеной проводил свою рабочую ночь, бродя среди памятников, выхватывая фонарем из темноты всевозможных арктических ангелов, читая имена, как титры, на надгробиях, и садился полночищать за чаем с останками кого-нибудь из «Кистонских полицейских». В четыре утра сторожа засыпают, и оба города, бережно свернутые, ждут, когда солнце взойдет над засохшими цветами, стертыми надгробиями

и родиной индийских слонов: они готовы принять по воле Режиссера-Вседержителя и с благословения агентства «Сентрал кастинг» бесчисленные толпы народа.

Так было и в канун Дня всех святых 1954 года.

Хеллоуин.

Моя самая любимая ночь в году.

Если бы ее не было, я никогда не сел бы писать эту новую «Повесть о двух городах».

Как я мог устоять, когда холодный резец выгравировал на камне приглашение?

Как я мог не преклонить колено, не набрать в грудь побольше воздуха и не сдуть пыль с мраморной плиты?

2

Первым пришел...

В то утро после Хеллоуина я пришел на студию в семь утра.

Последним ушел...

Было почти десять вечера, когда я в последний раз совершал свой ночной обход, упиваясь простой, но невероятной мыслью, что наконец-то работаю там, где все ясно определено. Здесь все имело совершенно явное начало и четкий, необратимый конец. Там, за стенами съемочного павильона, я не слишком доверял жизни с ее пугающими сюрпризами и допотопными сюжетами. Здесь же, гуляя по аллеям на рассвете или на закате, я мог вообразить, будто сам открываю и закрываю киностудию. Она принадлежала мне, ибо я так захотел.

Итак, я шагал по территории в полмили шириной и в милою глубиной, среди четырнадцати кинопавильонов и десяти открытых съемочных площадок, жертва собственного романтизма и безумной страсти к кино, которое укрощает жизнь, — а там, по ту сторону ажурных кованых ворот в испанском стиле, никто ее укротить не мог.

Час был поздний, но многие съемочные группы составили свое расписание так, чтобы закончить съемки

в канун Дня всех святых, так что прощальные попойки в честь окончания съемок совпали на разных площадках. Из трех павильонов, распахнувших гигантские раздвижные ворота, гремел джаз, слышался смех, хлопали пробки от шампанского и доносились песни. Народ внутри, разодетый в киношные костюмы, приветствовал народ, ввалившийся снаружи в нарядах на Хеллоуин.

Я же никуда не входил, только лишь улыбался или смеялся, проходя мимо павильонов и площадок. В конце концов, раз уж я вообразил себя хозяином киностудии, то мог задержаться или уйти когда угодно.

Но стоило мне вновь ступить во тьму, и я чувствовал внутри себя какую-то дрожь. Моя любовь к кино началась много лет назад. Словно Кинг-Конг, она обрушилась на меня, когда мне было тринадцать; и я так и не смог выбраться из-под этой гигантской туши, в которой билось сердце.

Каждое утро, когда я приходил на студию, она точно так же обрушивалась на меня. Несколько часов уходило на то, чтобы побороть ее чары, восстановить дыхание и приняться за работу. На закате волшебные чары снова опутывали меня; мне становилось трудно дышать. Я знал, что когда-нибудь, очень скоро, мне придется покинуть эти места, вырваться на волю, уйти и больше не возвращаться, иначе кино, как Кинг-Конг, вечно падающий точно на свою жертву, однажды прихлопнет меня насмерть.

Я как раз проходил мимо крайнего павильона, когда его стены в последний раз сотряслись от взрыва веселого смеха и грохота джазовых барабанов. Один из ассистентов оператора пронесся мимо меня на велосипеде; его багажная корзина была доверху наполнена киноплёнкой, отправляющейся на вскрытие под нож монтажера, в чьей власти спасти картину либо похоронить ее навеки. Затем она попадет или в кинотеатры, или на полку с мертвыми фильмами, где не сгниет — всего лишь покроется пылью.

Где-то на Голливудских холмах церковные часы пробили десять. Я повернул и не спеша побрел к своей камерке в здании для сценаристов.

В кабинете меня ожидало приглашение стать безмозглым тупицей.

Нет, оно не было выгравировано на мраморной плите, а всего лишь аккуратно напечатано на хорошей почтовой бумаге.

Прочтя его, я сполз в кресло, лицо мое покрылось холодной испариной, рука порывалась схватить, скомкать и выбросить подальше этот листок.

Вот что в нем было:

«Грин-Глейдс-парк»,

Хеллоуин

Сегодня в полночь.

У дальней стены, в середине.

Р. С. Вас ждет потрясающее открытие. Материал для бестселлера или отличного сценария. Не пропустите!

Вообще-то я совсем не храбрец. Я не вожу машину. Не летаю самолетами. До двадцати пяти лет боялся женщин. Ненавижу высоту; Эмпайр-стейт-билдинг — для меня суший кошмар. Меня пугают лифты. Эскалаторы вызывают тревогу. Я разборчив в еде. Первый раз я попробовал стейк лишь в двадцать четыре года, а все детство провел на гамбургерах, бутербродах с ветчиной и пикулями, яйцах и томатном супе.

— «Грин-Глейдс-парк!»! — произнес я вслух.

«Господи! — подумал я. — В полночь? Это я-то, которого лет в пятнадцать гоняла толпа уличных задир? Мальчик, спрятавшийся в объятиях брата, когда впервые смотрел «Призрак оперы»?»

Да, он самый.

— Дурак! — завопил я.

И отправился на кладбище.

В полночь.

На выходе из студии я хотел было зайти в мужской туалет неподалеку от главных ворот, но затем повернул в другую сторону. От этого места я по давней привычке держался подальше: подземная пещера, где слышались звуки невидимых струй и торопливые всплески — словно шмыгнул проворный рак, — стоило лишь коснуться ручки и приоткрыть дверь. Я всегда останавливался, откашливался и медленно открывал дверь. И тогда дверцы кабинок начинали захлопываться то со стуком, то совсем тихо, а иногда с грохотом ружейного выстрела, словно те, кто обитал в этой пещере весь день и из-за вечеринок не прятался даже в этот поздний час, в панике разбежались кто куда, — и ты входил в тишину холодного кафеля и подземных течений, поскорее делал свои дела и выскакивал, не помыв рук, чтобы уже снаружи услышать, как неохотно просыпаются ловкие раки, с шорохом распахиваются двери и всплывают на поверхность пещерные жители, встревоженные и взволнованные, кто сильно, кто нет.

Итак, я повернул в другую сторону и, окликнув, нет ли кого внутри, нырнул в женский туалет напротив: холодное, отделанное чистым белым кафелем помещение, ни темной пещеры, ни шмыгающих существ, — а потом мигом вынырнул обратно, как раз вовремя, чтобы увидеть, как мимо шагает отряд прусской гвардии, направляясь на вечеринку в десятом павильоне. Командир, светловолосый красавец с большими невинными глазами, покинул своих гвардейцев и, ничего не подозревая, пошел к мужской уборной.

«Больше никто его не увидит», — подумал я и заспешил прочь по улице. Была уже почти полночь.

Такси (оно мне не по карману, но не пойду же я в одиночку на кладбище, черт побери!) остановилось перед кладбищенскими воротами за три минуты до назначенного времени.

Долгих две минуты я прикидывал в уме количество

склепов и могил, где около девяти тысяч мертвецов были на полной ставке у фирмы «Грин-Глейдс-парк».

Пятьдесят лет их складывали сюда, каждого в свое время. С тех самых пор, как владельцам строительной конторы Сэму Грину и Ральфу Глейду пришлось объявить о своем банкротстве, снять вывеску и занять участок надгробиями.

Понимая, что их имена неплохо сочетаются, обанкротившиеся строители одноэтажных коттеджей назвали новое дело просто «Грин-Глейдс-парк», и всех скелетов, выпавших из шкафов соседней киностудии, стали хоронить здесь, на этом кладбище.

Поговаривали, что киношники, замешанные в их темной афере с недвижимостью, вложились в дело: взамен два джентльмена будто бы соглашались держать язык за зубами. Все слухи, пересуды, грехи и старые делишки были похоронены в первой же могиле.

И вот, сжав колени и стиснув зубы, я сидел, уставившись на маячившую вдалеке стену, за которой я насчитал шесть мирных, теплых, прекрасных павильонов, где завершались последние хеллоуинские пирушки, заканчивались последние вечеринки, затихала музыка, и хорошие парни вместе с плохими направлялись домой.

И пока я глядел на отсветы автомобильных фар, пляшущие на высоченных стенах павильонов, воображая себе все эти бесконечные прощания — «пока», «доброй ночи», — мне вдруг так захотелось быть вместе с ними, плохими и хорошими, и ехать неизвестно куда: лучше уж неизвестность, чем это.

На кладбище часы пробили полночь.

— Ну что? — раздался чей-то голос.

Мой взгляд словно отскочил от стены киностудии и остановился на стриженной голове шофера такси.

Тот пристально всматривался сквозь железную решетку, высасывая аромат из мятной жвачки, прилепленной к зубам. Ворота дребезжали от ветра, вдали замирало эхо башенных часов.

— Ну и кто пойдет открывать ворота? — спросил шофер.

— Я?! — в ужасе переспросил я.

— Сам напросился.

После долгих колебаний я все же заставил себя взяться рукой за ворота: к моему удивлению, они оказались незапертыми, и я распахнул их настежь.

Я повел за собой машину, как старик, ведущий под уздцы смертельно усталую и перепуганную лошадь. Такси неустанно что-то бормотало вполголоса, но все без толку, а шофер вторил шепотом:

— Черт, черт! Если что-то пойдет в нашу сторону, не думай, я здесь не останусь.

— Ничего, я тоже здесь не останусь. Вперед!

По обе стороны гравийной дорожки виднелось множество белых силуэтов. Я услышал чей-то призрачный вздох, но это было всего лишь мое дыхание: легкие пытели, как кузнечные мехи, пытаясь раздуть в груди хоть какую-то искру.

На голову мне упали несколько капель дождя.

— Боже, — прошептал я. — И зонтика нет.

«Какого лешего я здесь делаю?» — пронеслось в моей голове.

Каждый раз, пересматривая старые фильмы ужасов, я смеялся над тем, как парень выходит поздно ночью на улицу, хотя надо было остаться дома. Или над тем, как женщина делает то же самое, хлопая большими невинными глазами и надевая туфли на шпильках, в которых на бегу только спотыкаешься. Но вот и со мной случилось то же самое, и все из-за этой дурацкой соблазнительной записки.

— Все! — прокричал таксист. — Дальше не поеду!

— Трус! — крикнул я.

— Ага! Я подожду здесь!

И вот я уже шагаю к дальней стене, дождь льет как из ведра, заливая лицо и пожар проклятий, kloпочущий в моем горле.

Фары такси давали достаточно света, чтобы разглядеть лестницу, прислоненную к задней ограде кладбища: по ней можно было забраться и попасть на натурные площадки «Максимум филмз».

Я остановился у подножия и стал вглядываться вверх сквозь холодную морось.

Там, наверху, стоял человек. Он словно собирался перелезть через стену.

Но его фигура застыла, точно вспышка молнии выхватила ее и навсегда запечатлела на бледно-голубой эмульсии киноплёнки: голова была наклонена вперед, как у бегуна-рекордсмена, а тело согнулось так, будто он готов был перевалиться через стену и сорваться вниз, на территорию «Максимум филмз».

Однако человек, словно статуя, не менял этой нелепой позы.

Я хотел было окликнуть его, но тут понял, почему он молчит, почему он так неподвижен.

Человек на лестнице то ли умирал, то ли был мертв.

Он пришел сюда, преследуемый тьмой, забрался на лестницу и окаменел при виде... *чего?* Может, что-то у него за спиной заставило его замереть от ужаса? Или — еще хуже — что-то за стеной, в темноте студии?

Дождь поливал белые камни надгробий.

Я слегка подергал лестницу.

— Господи! — вскричал я.

Потому что старик на вершине лестницы вдруг свалился вниз.

Я отскочил и бросился на землю.

Он упал между надгробиями, как десятитонный свинцовый метеор. Я поднялся на ноги и склонился над ним, уже не слыша ни грохота в своей груди, ни шелеста дождя, омывавшего каменные плиты и тело покойного.

Я вгляделся в его лицо.

Ответом был взгляд водянистых, бесцветных глаз.

— Почему ты смотришь на меня? — спросил он молча.